

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ УРАЛА В 1940-е – 1950-е гг.

УДК 94(470)''1945/1959''

**«ПРЕЗУМПЦИЯ ВИНОВНОСТИ»: ПРОЦЕССЫ НАД
ВОЕННОПЛЕННЫМИ И ИНТЕРНИРОВАННЫМИ В СИСТЕМЕ
СТАЛИНСКОГО ПРАВОСУДИЯ КОНЦА 1940-х –
НАЧАЛА 1950-х гг.***Н. В. Суржикова*

Анализируется тема уголовного преследования военнопленных и интернированных II Мировой войны в СССР. Опыт этой работы был уникальным, поскольку реализация дел о военных преступлениях шла в обратном направлении, то есть исходя из гипотетического предположения о наличии среди военнопленных и интернированных определенного количества военных преступников. Императив «несомненной виновности» во многом предопределил тот факт, что политика в отношении иностранцев в конечном итоге приобрела репрессивный характер.

Ключевые слова: иностранные военнопленные, интернированные, военные преступники, уголовное преследование, архивно-следственные дела, репрессии, реабилитация.

Пребывание на территории СССР в 1949–1956 гг. осужденных военнопленных и интернированных иностранцев в новейшей отечественной историографии позиционируется как феномен далеко не однозначный [Бондаренко, 1993; Буддис, 1995; Галицкий, 1995; Епифанов, 2001; Епифанов, 1998; Епифанов, 1997; Конасов, 1998; Крупенников, 1992; Лобанов, 1998; Петров, 1997; Щелокаева, 1999]. Казалось бы, ни в международном, ни в советском праве препятствий для привлечения иностранных граждан к судебной ответственности не существовало. Учитывая, что на временно оккупированной территории СССР военными противника совершались военные преступления и преступления против человечности, советское правительство инициировало массовое выявление военных преступников и их пособников. Опыт этой работы был уникальным, поскольку реализация дел о военных преступлениях шла в обратном направлении, то есть исходя из гипотетического предположения о наличии среди немецких военнопленных, а затем и интернированных определенного количества военных преступников. Императив «несомненной виновности» во многом предопределил тот факт, что политика в отношении иностранцев в конечном итоге приобрела репрессивный характер. Это обстоятельство в начале 1990-х гг. признала Генеральная Прокуратура РФ, подсчитавшая, что в четырех случаях из пяти осужденные в прошлом военнопленные и интернированные подлежат реабилитации [Конасов, 1998, с. 75].

В числе оправданных в начале 1990-х гг. военнопленных и интернированных значительную часть составили бывшие узники самого крупного в СССР лагеря для военных преступников – лагеря № 476. Примечательно, что соответствующие документы, хранящиеся в Государственном архиве административных органов Свердловской области и составляющие весомый пласт его коллекции, будучи присовокупленными к архивно-следственным делам на советских гражданах, причисленных к жертвам политических репрессий, в отдельный фонд не выделены. При этом каждое архивно-следственное дело, безусловно, уникально с любой стороны и, прежде всего, с личной. По формальному наполнению также трудно найти два идентичных дела, что, однако, не лишает их универсальных свойств. Объединение типологически разнообразных документов в рамках физически обособленных единиц хранения не мешает им быть схожими потому, что каждая из них воспроизводит не только схему следственно-судебных действий, но и их глубину [Суржикова, 1999, с. 109–113].

Исходя из результатов анализа нескольких десятков архивно-следственных дел, можно считать установленным, что в числе оставшихся в СССР после массовой репатриации была заметна доля военнопленных и интернированных, при осуждении которых: а) в качестве основания осуж-

дения выступало национальное законодательство, чье соответствие нормам международного права вызывает серьезные сомнения; б) широко использовался формальный принцип с обвинительным уклоном, не предполагавший доказательства конкретной вины каждого обвиняемого; в) были нарушены элементарные процессуальные нормы.

Значительная часть военнопленных была привлечена к уголовной ответственности на основании ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников» от 19 апреля 1943 г. Согласно ее тексту, «немецкие, итальянские, румынские, венгерские, финские фашистские злодеи, уличенные в совершении убийств и истязаний гражданского населения и пленных красноармейцев», карались смертной казнью через повешение [Указ..., 1943]. С юридической точки зрения приведенное определение признаков субъекта преступления не совсем корректно, будучи основанным не на правовых категориях, а на морально-оценочных («фашистские злодеи»). Эмоциональная индексация документа получила подтверждение и в толковании состава военных преступлений. В преамбуле Указа к числу таковых отнесены «неслыханные зверства и чудовищные насилия», а также «злодеяния». Смазано-диффузный характер формулировок позволял преследовать едва ли не любого из пленных. Достаточно было уличить его в причастности к разрушению зданий и сооружений, телеграфно-телефонных линий и линий электропередач, в грабеже продовольственных складов и изъятии у мирных советских граждан 40 л молока, 250 шт. яиц, 15 л растительного масла, 25 ц картофеля, 15 ц капусты, 12 кг сыра, свиньи, коровы или козы, зерна или сена, валенок, полушубков и тому подобного¹.

Без труда осудить практически любого военнопленного позволяла ст. 17 Уголовного кодекса РСФСР, исходившая из принципа коллективной ответственности за совершенное преступление. «Круговая порука» нивелировала смысл следственно-розыскных мероприятий, который сводился к установлению принадлежности бывшего военнослужащего противника к войсковому соединению, личный состав которого был причастен к зверствам и злодеяниям на советской земле, или же карательным, охранным или разведывательным органам противника, перечень которых советское руководство, вопреки достигнутым в Нюрнберге договоренностям, значительно расширило по собственному усмотрению². В целом ряде случаев «разоблачение» военных преступников превратилось в изучение их автобиографий и послужных списков. Так, расплывчатой формулировки «за службу в охранных частях противника» оказалось вполне достаточно, чтобы пленные В. Браншайт, И. Ганнеман, Г. Гаук, Л. Бишоф, О. Блосс, Я. Даубмайер и другие оказались на скамье подсудимых и получили по 25 лет ИТЛ. Та же кара ожидала Э. Бреннера, А. Бирке, Э. Вейерсхаузена, П. Гагена, Г. Гассе, А. Гейзе, Г. Герлаха и многих других, служивших в разведывательных органах врага. Все рекорды побило число выявленных среди военнопленных карателей, к которым, по нашим подсчетам, был отнесен практически каждый четвертый осужденный. Несложные арифметические операции показали, что примерно треть вражеских военнослужащих, представших перед судом, так и не услышала ничего более или менее конкретного о своей преступной деятельности, которая путем нехитрых манипуляций с фактами и документами сводилась к теоретически возможному участию или соучастию военнопленных в тех или иных «злодеяниях»³.

Не отличался точностью номинаций и текст широко использовавшейся в практике судебного преследования военнопленных и интернированных ст. 58 Уголовного кодекса РСФСР, где при атрибуции состава государственных преступлений одним из центральных выступало понятие «контрреволюционный». В стране, давно провозгласившей победу социалистической революции, широкое хождение определения «контрреволюционный» обнажало не только превратности процессов категоризации, но и деградацию юридической культуры, которой была навязана альтернатива недопустимого упрощенчества и стандартизации ее системообразующих компонентов. По крайней мере, очевидно, что к концу 1940-х гг. смысл понятия «контрреволюционные преступления» в сравнении с 1920-ми гг. не просто значительно изменился. В какой-то момент его смыслов стало слишком много, в результате чего термин «контрреволюционный» просто утратил всякую рамку, тем самым перестав быть термином. Сегодня вызывает недоумение тот факт, что в числе государственных преступлений оказалась, в частности, практика «подслушивания радиопередач, передаваемых командованием Советской Армии», которые немецкий ефрейтор И. Гадач по долгу службы переводил на немецкий язык для оперативного использования германскими частями⁴. Судьбу И. Гадача, приговоренного за шпионаж к 25 годам ИТЛ, повторили военнопленные О. Абзегер, А. Гейзе, Г. Геккер⁵. За антисоветские деяния, совершенные уже в плену, были осужде-

ны немцы Г. Герат, А. Гесслер и З. Майер, итальянец Ф. Нерл, румын Н. Ницеску и др. бывшие военнослужащие⁶. Особенно востребованными пункты печально знаменитой ст. 58 УК РСФСР стали при уголовном наказании интернированных, посягательства которых на советский строй выражались в целом спектре «преступлений». Так, граждане Польши Г. Дацигер и М. Тылешак пособничали международной буржуазии и немецким захватчикам, соответственно, их соотечественник Я. Бурда участвовал в повстанческой банде «УПА», германские граждане Г. Беер и В. Целлер – в террористической организации «Вервольф», диверсионную деятельность в советской зоне оккупации осуществляли также немцы В. Газенбайн, Г. Засник, В. Мюллер и др., в этом им активно «помогали» Г. Буттштедт, автор антисоветских высказываний, и В. Нибаум, распространявший провокационные листовки, а также Г. Килус, «сокрывший» от Советской военной администрации в Германии металлообрабатывающие станки и другое оборудование завода в г. Таухе⁷.

Интегрирующим отличием архивно-следственных дел на военнопленных и интернированных от аналогичных документов, касавшихся советских граждан, является дефицит документов, характеризующих процедуру формирования компрометирующих материалов. Инициативным документом при возбуждении дел на потенциальных преступников войны, как правило, служило постановление на арест, в то время как материалы предварительного следствия практически отсутствовали. Неудивительно поэтому, что предметная конкретность предъявляемых военнопленным и интернированным обвинений обнаруживала свою иллюзорность сразу, как только фигуранты дела отказывались от своих показаний. Советская Фемида тем самым лишалась едва ли не всяких законных оснований для продолжения судопроизводства. За отсутствием признательных показаний обвиняемого дело закрывалось с формулировкой «за недостаточностью улик». К примеру, на судебном заседании 14 декабря 1948 г. обвиняемый в участии в грабежах, арестах, угоне на рабский труд в Германию и насильственном привлечении к труду мирных советских граждан обер-ефрейтор Г. Беккер не только отказался от своих показаний, но и потребовал вызова свидетелей из числа своих сослуживцев. Дело было направлено на доследование и закрыто за недостаточностью доказательств 17 марта 1949 г. В апреле того же года следствие возобновили, но из-за отсутствия улик окончательно прекратили 14 октября 1949 г. 21 декабря 1949 г. от своих показаний прямо в зале суда отказался рядовой 5 егерской дивизии Г. Айгнер, на следующий день дело было закрыто. Примеру Айгнера 23 декабря 1949 г. последовал ефрейтор 560 строительного батальона М. Бем, обвинявшийся в изъятии продуктов у мирного советского населения. Следствие продолжили, но 27 февраля 1950 г. все обвинения с Бема были сняты, так как никаких изобличающих фактов его преступной деятельности установлено не было.

Нелепые своей очевидной натянутостью обвинения превращали работу по выявлению преступников войны в фарс, за которым стояла трагедия не одного маленького человека. Но люди, занимавшие статусные позиции, оказывались бессильны перед «чудесами» советской юридической машины. Личный пилот А. Гитлера генерал Г. Баур первоначально обвинялся в том, что, управляя самолетом во время визитов Гитлера к Муссолини, он тем самым принимал участие в разработке военных планов. Во время суда Г. Баур посоветовал председательствующему советскому генералу «арестовать и машиниста локомотива, который тащил тот вагон, в котором Гитлер и Муссолини вели переговоры в районе Бреннерского перевала» [Баур, 2007, с. 209–210]. После затянувшейся паузы, закончившейся 15-минутным перерывом в судебном заседании, для Г. Баура было придумано новое обвинение: «Поскольку вы, совместно с Гитлером, несколько раз посещали советские города и, таким образом, способствовали совершению преступлений против мирных советских граждан и советских военнопленных, вы признаны судом виновным и приговариваетесь к двадцати пяти годам заключения...» [Там же, с. 212].

Нельзя не отметить, что в процессе привлечения военнопленных и интернированных к уголовной ответственности не обошлось без правовых курьезов. По Указу Президиума Верховного Совета СССР «О наказании немецко-фашистских злодеев и их пособников» от 19 апреля 1943 г., который был предназначен для привлечения к суду виновных в зверствах и злодеяниях над мирными советскими гражданами и советскими военнопленными, к уголовной ответственности были привлечены и те, кто никогда не был на территории СССР и не имел отношения к репрессиям советских военнопленных. Так, бывший полицмейстер отдела «К» (транспорт) охранной полиции Э. Байер, проходивший службу на территории Польши в Варшаве, Катовицах и Ченстахове, был приговорен к 25 годам ИТЛ по ст. 1 Указа от 19 апреля 1943 г. и ст. 17 УК РСФСР за службу в гер-

манских карательных органах и участие в начале сентября 1944 г. в подавлении Варшавского восстания. За участие в грабежах и арестах мирных чешских граждан по ст. 1 Указа от 19 апреля 1943 г. был осужден на 25 лет ИТЛ бывший унтер-офицер 2 роты 2 пехотного полка штурмовой бригады СС «Дерливангер» В. Аут. Та же участь постигла служившего на территории Германии и Польши бывшего обер-лейтенанта, командира полицейской сотни Ф.-К. Диневальда⁸.

Формализация правосудных процедур стала характерной к концу 1940-х гг., когда в практику привлечения иностранных военнопленных и интернированных к уголовной ответственности, помимо всего прочего, вошла такая особенность, как ускоренное ведение следствия, подготовка обвинения и рассмотрение дел в суде. Кроме того, на смену открытым или показательным судебным разбирательствам, – последние состоялись в Сталино, Севастополе, Бобруйске, Чернигове, Полтаве, Витебске, Новгороде, Кишиневе и Гомеле в конце 1947 г., – постепенно пришли закрытые заседания, проходившие по «упрощенной процедуре»: в присутствии обвиняемого, но без участия обвинения, защиты и свидетелей. Одинаково порочные следствие и суд превращали творившееся беззаконие в беззаконие в квадрате, практически исключая возможность выявления действительных и мнимых преступников законов и обычаев войны.

В силу этих издержек советское правосудие, вероятно, так и не выявив всех виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечности военнопленных и интернированных, отправило за решетку в том числе и непричастных ни к каким преступным деяниям. И вполне может оказаться, что некий уже реабилитированный пленный или интернированный принимал личное участие в противоправных действиях на территории СССР в годы войны, но установить это могло бы лишь новое расследование, подкрепленное свидетельскими показаниями и вещественными доказательствами, собрать которые по прошествии более полувека практически невозможно. Таким образом, сталинское правосудие обмануло самое себя, спровоцировав ожесточенные историко-политические дебаты вокруг проблемы «правосудия победителей», которые продолжаются по сей день.

Примечания

¹ Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААО СО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 45392, 45551, 45585, 45773, 45890, 45893, 46050, 46060, 46070, 46553.

² 13 августа 1945 г., когда встал вопрос об отправке на родину иностранных военнопленных, МВД СССР издало приказ за № 00955. В соответствии с ним освобождению и репатриации не подлежали: а) участники зверств, уже взятые на учет, а также те из не взятых, на которых имеются проверенные агентурные и официальные данные; б) лица, служившие в войсках СС и СА, полевой полиции и жандармерии; в) сотрудники гестапо, СД, включая Абвер, разведывательных и контрразведывательных органов других государств; г) руководящие члены фашистских партий и их организаций, как-то: национал-социалистической рабочей партии Германии, «Скрещенные стрелы», «Железная гвардия» и другие; д) все лица, подозрительные по вышеуказанным признакам, находящиеся в разработке; е) осужденные в плену за военные преступления. В «черный список» при этом попали не только признанные в Нюрнберге преступными руководящий состав фашистской партии, СС, СД и гестапо, но представители СА, тайной полевой полиции, жандармерии, разведки и контрразведки, организаций «Скрещенные стрелы», «Железная гвардия» и даже «Гитлерюгенд».

³ Подсчеты проведены на основе выборки, материалы которой опубликованы в кн.: [Суржикова, 2006, с. 403–459].

⁴ ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 45650. Л. 16–17.

⁵ Там же. Д. 45666, 46073, 48537.

⁶ Отдел спецфондов Информационного центра ГУВД Свердловской области. Ф. 56. Оп. 1. Д. 27.

⁷ Там же.

⁸ ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 45664. Л. 29; Д. 46042. Л. 28; Д. 46071. Л. 21.

Библиографический список

- Баур Г. Русский плен: Бесконечные скитания по России – снова домой! // Герлах Х. В сибирских лагерях. Воспоминания немецкого военнопленного. 1945–1946 гг. М., 2007.
- Бондаренко Е. Ю. Судьбы пленных: Токийский и Хабаровский международные процессы над японскими военными преступниками и их последствия (1948–1949 гг.) // Россия и АТР. 1993. № 1.
- Буддис М. Правосудие победителей. Нюрнбергский процесс: свет и тени // Родина. 1995. № 5.
- Галицкий В. П. Репрессивная политика Советского правительства в отношении иностранных военнопленных и гражданских лиц (1939–1956 гг.) // Актуальные проблемы археологии, источниковедения и историографии: матер. к Всерос. науч. конф. Вологда, 1995.

Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААО СО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 45392, 45551, 45585, 45650, 45664, 45666, 45773, 45890, 45893, 46042, 46050, 46060, 46070, 46071, 46073, 48537, 46553.

Епифанов А. Е. Дела иностранцев, осужденных по обвинению в военных преступлениях, в современной реабилитационной практике // Право и политика. 2001. № 2.

Епифанов А. Е. Некоторые аспекты уголовного законодательства об ответственности гитлеровских военных преступников // Уголовное законодательство: история и современные проблемы: тез. докл. и сообщений межвузовской науч.-практ. конф. Волгоград, 1998.

Епифанов А. Е. Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР (историко-правовой аспект). Волгоград, 1997.

Конасов В. Б. Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. Внешнеполитический аспект. М., 1998.

Крупеников А. А. К вопросу о некоторых судебных процессах в СССР в 1947–1953 гг. по обвинению в военных преступлениях // Распад фашистского блока и проблемы послевоенного устройства: тез. межвуз. науч. конф. Екатеринбург, 1992.

Лобанов С. А. Международно-правовые аспекты уголовного судопроизводства по делам о военных преступлениях // Государство и право. 1998. № 5.

Отдел спецфондов Информационного центра ГУВД Свердловской области. Ф. 56. Оп. 1. Д. 27.

Петров Н. В. Внесудебные репрессии против военнопленных немцев в 1941–1946 гг. // Проблемы военного плена: история и современность: матер. Междунар. науч.-практ. конф. В 2-х ч. Вологда, 1997. Ч. 2.

Суржикова Н. В. Архивно-следственные дела военнопленных как исторический источник (по материалам УГААО СО) // Орел шестого легиона: тез. докл. студенч. науч.-практ. конф., посвященной 60-летию исторического факультета УрГУ. Екатеринбург, 1999.

Суржикова Н. В. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942–1956 гг.). Екатеринбург, 2006.

Указ Президиума Верховного Совета СССР О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и их пособников от 19 апреля 1943 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1943. № 17.

Щелокаева Т. А. Об уголовном преследовании иностранных военнопленных в СССР (1943–1956 гг.) // Современная преступность: состояние, тенденции, средства преодоления: матер. Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 1999.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.06.2010